

Т. Д. ЗЛАТКОВСКАЯ, Мезия в I и II вв. н. э. М., Изд. АН СССР, 1951, 136 стр., тираж 4000 экз., цена 8 р. 50 к.¹

В своем гениальном труде «Марксизм и вопросы языкознания» И. В. Сталин отмечает, что римская империя эпохи Цезаря не имела своей экономической базы и представляла временное и непрочное военно-административное объединение. Это был конгломерат племен и народностей, живших своей жизнью и имевших свои языки. В свете этих указаний изучение истории племен и народностей, населявших Римскую империю, имеет особое значение для советского историка. Тем больший интерес представляет изучение тех племен и народностей, которые населяли римские провинции, наиболее близко расположенные к территории, входящей в состав СССР. К тому же эти племена и народности были тесно связаны с соседними, часто родственными им племенами, населявшими Северное Причерноморье. Поэтому надо особенно приветствовать предпринятое Институтом истории АН СССР издание серии монографий, посвященных отдельным вопросам истории Причерноморья в античную эпоху.

Новые эпиграфические и археологические источники, открытые за последние десятилетия, позволяют по-новому и гораздо полнее, чем это делалось прежними исследователями, осветить целый ряд проблем, связанных с древнейшей историей нашей Родины и соседних с ней территорий. В буржуазной историографии преувеличивается влияние римской культуры на народы Причерноморья, замалчиваются социальные противоречия внутри покоренных римлянами племен, не освещаются вовсе или освещаются тенденциозно вопросы внутреннего развития этих племен. В связи со всеми этими обстоятельствами в настоящее время назрела необходимость дать марксистские исследования истории отдельных племен и народов, населявших Причерноморье в античную эпоху.

Автор рецензируемой работы старается осветить историю племен и народностей, населявших в I в. до н. э. — II в. н. э. территорию, расположенную между нижним течением Дуная и центральным массивом Балканских гор, составляющую в настоящее время северную часть Болгарии и румынскую Добруджу. В противоположность большинству буржуазных историков, которые, изучая историю римских провинций, обращают внимание в основном на пришлый римский элемент, автор ставит своей целью прежде всего выяснение роли местного населения в жизни Нижней Мезии, изучение уровня его экономики, социальной и политической структуры (стр. 3).

Книга состоит из четырех глав. В первой (стр. 7—23) автор старается характеризовать племена Нижней Мезии накануне римского завоевания. Он подчеркивает пестроту этнического состава ее населения, приводит сведения античных писателей о расселении обитавших на ее территории племен. Среди последних он, наряду с фракийскими племенами мезов, гетов, даков, бессов, лаев, бистонов, требаллов, тимахов, эдов, скаугдов, клариев, называет кельтское племя скордисков, иллирийское дарданов, а также племена скифов и сарматов.

Автор дает характеристику экономического развития фракийских племен, опровергая господствующее в литературе мнение об их отсталости и кочевом образе жизни. В главе приводятся свидетельства источников о занятии фракийцев земледелием и скотоводством, привлекается и археологический материал для характеристики ремесленного производства, указывается на широкое развитие металлургии и гончарного дела. Отмечены также торговые связи фракийских племен с греческими городами Причерноморья, а также с Грецией и Македонией (стр. 19). Освещая социальный строй фракийцев к началу нашей эры, автор приходит к выводу, что большинство фракийских племен продолжало сохранять общинно-родовой строй и стояло на пороге классового общества. Но у племен, живших вблизи побережья, классовое расслоение было более сильным.

Во второй главе правильно освещается процесс завоевания Мезии римлянами, под-

¹ Выпуск 2-й серии «Причерноморье в античную эпоху», под редакцией проф. В. Н. Дьякова.

черкуются отчаянное сопротивление мезийских племен и предательская роль аристократии, перешедшей на сторону Рима.

Центральной частью книги являются главы 3 и 4, посвященные Мезии I—II вв. н. э. Автор раздельно излагает историю внутренней и восточной части Мезии, специально выделяя греческие прибрежные города, что связано с их выдающимся экономическим значением в жизни провинции, а также с особой политикой римлян в греческих полисах. Излагая различные взгляды на время возникновения провинции Мезии, автор уклоняется от точной датировки этого события, указывая только как *terminus ante quem* — 15 г. н. э. (стр. 44). В обзоре организации новой провинции отмечается своеобразие ее управления, а именно, подчинение ее вместе с Македонией и Ахайей одному правителю преторского ранга, что продолжалось до 44 г., когда объединенные провинции были разделены. Сопротивление мезийских племен помешало римлянам ввести обычное административное управление и заставило сохранить в основном племенную организацию мезийского населения. В отличие от соседней провинции Дакии, которая была организована столетием позже, в Мезии не было широкой римской колонизации. Стремясь создать слой населения, который поддерживал бы власть Рима, императоры широко наделили землей ветеранов вспомогательных когорт, фракийцев по происхождению (стр. 68).

Вслед за В. Н. Дьяковым автор рассматривает Мезию как базу для наступления римлян на северо-восток, широко привлекая при этом нумизматический материал и иллюстрируя усиление римского влияния в городах Северного Причерноморья. Остановившись на роли Мезии во время дакийских войн Домициана и Траяна, автор подчеркивает, что местное население Мезии оказывало поддержку дакам в противоположность прибрежным городам, придерживавшимся проримской ориентации. После дакийских войн меняется состав населения Мезии, усиливается роль ветеранов, которые являлись руководителями административных учреждений, ускоряется процесс развития рабовладения, распространяется частная собственность на землю.

Далее дается характеристика экономического развития Нижней Мезии в I—II вв. н. э., отмечается развитие земледелия, скотоводства, виноделия, различных ремесел и торговли, строительство городов и дорог. Автор приходит к выводу «о порочности распространенного взгляда на римскую военную оккупацию придунайских областей как на основную причину экономического прогресса этих стран» (стр. 105). Напротив, экономическое развитие Мезии было подготовлено всей предыдущей историей ее населения и шло по своим внутренним законам. Римляне же принесли с собой налоговый гнет, усилению которого способствовала введенная ими административная система.

Греческие города Причерноморья, благодаря покровительству римских властей, расцвели и обогатились. Они сохранили прежнее внутреннее устройство, однако римские чиновники осуществляли над ними высший контроль. Характеризуя роль армии, автор указывает, что мезийская армия «составляла большую часть населения провинции и играла значительную роль в ее экономике и истории» (стр. 118). Но со второй половины II в. эта армия набиралась в основном из местных элементов. Много внимания уделяет автор социально-экономическому кризису, который начинается в Мезии к концу II в. В книге приводятся надписи, свидетельствующие о нападениях «разбойников», ряды которых пополнялись за счет обнищавших крестьян, приводятся данные о народных движениях, о возрождении старых фракийских обычаев и верований. Усиливается протест против романизации. Вместе с тем в процессе борьбы фракийских племен против Рима происходит их слияние и создается фракийская народность.

Как видно из содержания книги, автор поставил перед собой сложную задачу: осветить историю племен, населявших Нижнюю Мезию на протяжении двух веков, показать роль римского завоевания и те изменения в социально-экономическом строе мезийских племен, которые оно с собой несло, выявить связи Нижней Мезии и входивших в нее приморских городов с Северным Причерноморьем.

Несмотря на трудности решения этой задачи, Т. Д. Златковская, благодаря широкому привлечению данных эпиграфики, нумизматики, свидетельств древних авторов и результатов археологических раскопок, а также используя новейшую историческую

литературу, смогла написать интересную работу, в которой дается правильная историческая картина жизни провинции и приводится значительный фактический материал, изложенный в достаточно популярной форме.

Все же широта взятой темы при небольшом объеме книги неизбежно должна была привести к тому, что ряд вопросов мог быть только затронут и недостаточно глубоко исследован, а изложение несколько отрывочно и иногда излишне лаконично. В предисловии автор ограничивает круг затрагиваемых вопросов, указывая, что «вопросы, связанные с культурным развитием фракийцев и их религиозными верованиями, не затрагиваются ввиду большого объема и сложности проблемы...» (стр. 3); однако ему пришлось их коснуться «в связи с вопросом о степени романизации фракийцев Мезии...» (стр. 130). При этом автор не исследует сам этих вопросов, а использует только работу Тодорова («Паганизъмът в Долна Мизия», София, 1928), хотя выводы, сделанные автором относительно религии фракийцев Мезии, очень ответственны (стр. 131).

Для характеристики местной фракийской торевтики первых веков нашей эры автор привлекает вещи из клада, найденного в деревне Николаево, и отмечает, вслед за болгарскими археологами, публикующими этот клад (ИБАД, III, 1913), что они «носят характер местного производства, для которого характерны использование в золотых украшениях полудрагоценных камней, выпривление золотых монет в ожерелье» (стр. 96). Однако приведенные особенности торевтики широко распространены в сарматскую эпоху в городах Северного Причерноморья и далеко за их пределами. Их правильнее связывать с сарматскими, а не с фракийскими племенами. Не случайно, что сам автор не упомянул ни об одной из этих особенностей при характеристике металлических изделий и торевтики мезийских племен до римского завоевания (стр. 16).

Т. Д. Златковская не проводит четкой грани между различными племенами, населявшими Мезию, Фракию и Дакию, обобщая их собирательным именем — фракийцы (стр. 19, 68, 98 и др.). Но уровень развития местных племен в I—II вв. был далеко не одинаков. Достаточно отметить, что фракийское племя одрисов уже создало государство, в то время как мезы еще жили общинно-родовым строем, а позднее, во II в., государство возникает и у даков. Даки и мезы были родственными фракийцам племенами, но нельзя отождествлять их с фракийцами в I—II вв. н. э. К этому времени развитие отдельных племен шло уже различными путями. В связи с этим вряд ли уместна ссылка (на стр. 19) на дакийские монеты, найденные в Трансильвании, чеканенные в подражание тетралрахмам Филиппа II Македонского и Александра и опубликованные Попеску (Dacia, IX—X, стр. 225).

Нечеткость формулировок заметна и в определении канаб. Автор правильно считает их «гражданскими поселениями, возникшими вокруг постоянных лагерей римских легионов» (стр. 102). Но уже на следующей странице автор пишет, что «лагерные стоянки ускоряли рост тех местных поселений, около которых они располагались, притягивая к себе множество торговцев, ремесленников, конкубин», а далее, противореча приведенному выше определению, прибавляет, что «местное поселение становилось центром, вокруг которого селились все эти люди, связанные так или иначе с лагерем». Нельзя согласиться с положением Т. Д. Златковской, что во всех случаях не военные лагеря, а только древние фракийские поселения определяли место возникновения нижнедунайских городов. Рост городов связан прежде всего с местоположением, выгодным в стратегическом отношении, и с близостью торговых путей. И если лагерь римского легиона или вспомогательной части ставился поблизости от местного поселения, то его канаба сливалась с этим поселением, но в тех случаях, когда лагерь ставился на удобном в стратегическом и других отношениях, но не обитаемом ранее месте, то и канаба могла вырасти в крупное поселение и позднее получить городское устройство. Вероятно, в Мезии, так же как и в Дакии, города возникали различными путями: из старого местного поселения, из канабы, а также специально основанные по приказу императора.

Иногда серьезные выводы автора недостаточно подкреплены приводимыми им фактами. Так, например, на стр. 107 дается анализ имен магистратов и квесторов (vicus Quintionis), упоминаемых в шести надписях, датированных временем между 144 и 177 гг.

н. э. На основании этих надписей автор делает вывод о том, что в один и тот же год селом управляли всегда два магистрата: римлянин и фракиец. Квесторами до 175 г. были только римляне, а с 175 г. на этом посту ежегодно чередуются римлянин и фракиец. Действительно, имена, упоминаемые в надписях и удачно собранные автором в наглядную таблицу, делают такой вывод вполне закономерным. Но необходимо учитывать, что эти шесть надписей приходятся на период в 34 года и между некоторыми из них имеются большие промежутки времени. Какие имена носили магистраты и особенно квесторы всех этих годов, неизвестно. Поэтому очень интересный вывод, сделанный автором, может считаться лишь условным.

То же касается постановления совета и народа Тирры в честь Коккея. Автор считает, что эта надпись дает представление «о составе населения греческих городов II в.». В ней названы 4 архонта и 17 человек «из числа наиболее влиятельных граждан... Большинство из них с чисто римскими именами». Только четыре имени принадлежат романизованным грекам, и они стоят в начале списка. Но если, как указывает сам автор, надпись принадлежит наиболее влиятельным гражданам и имена рядовых граждан в нее не попали, она не может дать представления о составе населения всего города, а только о составе городской аристократии.

Совсем не аргументировано определение объединения племен, созданного Биребистой в середине I в. до н. э. как государства. («Биребиста объединил в своем государстве фракийские племена» — стр. 22). По словам самого автора, еще «к началу нашей эры большинство фракийских племен Мезии продолжало сохранять общинно-родовой строй и стояло на пороге классового общества..., не поднявшись до государственной организации». Тем ниже был уровень их развития во времена Биребисты. Остальные родственные фракиянам племена, объединенные Биребистой, также находились лишь на стадии формирования классового общества. Поэтому объединение, созданное Биребистой, надо рассматривать не как государство, а как племенной союз, возникновение которого было в это время настоящей необходимостью, особенно если учесть большое значение военного дела у местных племен. Не случайно римские писатели постоянно подчеркивают воинственность гетов и даков, входивших в это объединение. Это же подтверждают и нападения Биребисты на греческие города Причерноморья, сопровождавшиеся разорением этих богатых торговых центров. О том, что во время Биребисты существовал только племенной союз, свидетельствует и судьба созданного им объединения. «Биребиста был лишен власти некоторыми восставшими на него лицами...; преемники же его разделили страну на несколько частей» (Страбон, VII, 3, 11 = ВДИ, 1947, № 4, стр. 257).

Ошибочно утверждение автора о том, что «у античных историков со II в. до н. э. северо-западная часть гетов начинает называться даками» (стр. 8). Упоминания о даках появляются у античных авторов только с I в. до н. э. Впервые о них пишет Цезарь (*De bell. Gall.*, VI, 25).

Частные замечания, сделанные выше, несколько не влияют на положительную оценку книги в целом. Книги типа работы Т. Д. Златковской, дающие новую оценку известным ранее фактам и подытоживающие новейшие данные источников и литературы, очень полезны. Даже при наличии отдельных недостатков в выходящих монографиях надо всячески приветствовать появление новой серии работ «Причерноморье в античную эпоху».

К книгам, построенным в основном на эпиграфическом материале, стоило бы предлагать корпус надписей на языке подлинника. После выхода в свет СІЛ в различных, зачастую трудно доступных изданиях было опубликовано большое количество интересных надписей, систематизация которых еще не была проведена. Приложение к монографиям хотя бы важнейших из используемых авторами надписей еще более повысило бы ценность издаваемой серии.

И. Т. Кругликова